

С. Сафронов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ и СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ МАБЛИ

Из ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Сборник статей

к 75-летию академика

Вячеслава Петровича Волгина

М.: изд-во АН СССР. 1955. С.238-264

Веб-публикация: библиотека *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2010.

Дополнительные ссылки на материалы в сети даны нами после статьи.

В конце 1784 г. во многих городах Соединенных Штатов Северной Америки наблюдались удивительные сцены — в пыли и грязи улиц городские обыватели волочили книги, а на перекладинах наскоро сооруженных виселиц здесь же на улицах болтались чучела, долженствовавшие изображать человека. Внимательный наблюдатель мог установить, что поносимые книги — экземпляры работы французского мыслителя XVIII в. Мабли — «Замечания о Соединенных Штатах Америки» (*«Observations sur les Etats-Unis d'Amérique»*), а чучела должны были изображать автора этой работы¹.

В книге о США Мабли приветствовал «счастливую революцию» американцев и дал в целом благоприятный отзыв о конституциях штатов. Но в заключительной части книги автор обращал внимание американцев на рост денежной аристократии, прогрессирующее неравенство имуществ и делал вывод, что развитие Соединенных Штатов в этом направлении неизбежно приведет к установлению тирании богачей внутри республики и захватническим войнам против других государств.

Уже тогда буржуазия видела в Мабли не только своего теоретика, разрабатывавшего программу борьбы с абсолютизмом, но и своего врага, осуждавшего частную собственность.

Возвеличивая идеологов правого крыла буржуазии, стремившихся к компромиссу с феодально-абсолютистской реакцией, буржуазные историки на протяжении XIX и XX вв. приложили немало усилий, чтобы исказить истинную роль и значение деятельности представителей левого крыла французского просвещения и в первую очередь Мабли и Морелли. И это, разумеется, не случайно: социальные идеи Мабли, пользовавшиеся большим успехом и распространением во времена французской буржуазной революции XVIII в., оказались неприемлемыми для победившей буржуазии, загнавшей под ярмо эксплуатации народные массы и установившей господство чистогана и буржуазной собственности.

В начале XIX в. буржуазные историки вообще не упоминали имени Мабли, составив своеобразный заговор молчания вокруг его деятельности и высказанных им идей. Но уже в 30—40-х годах этого века положение резко меняется. Восстания лионских рабочих, февральская революция и июньское восстание парижских рабочих в 1848 г. свидетельствовали о нарастании классовых противоречий.

Грозный призрак коммунизма привел в смятение буржуазию. Именно к этому времени относятся работы монархиста Сюдра и члена Французской академии Франка, выступивших против коммунизма, против революционных действий рабочих и, в этой связи, обрушившихся на социальные идеи Мабли.

¹ «*Mercure de France*», 1785, № 3.

В специальной книге, посвященной «опровержению коммунизма», монархист Сюдр заявил, что «коммунизм — действительно самая серьезная опасность, против которой общество должно вести борьбу». Он охаживал всех коммунистов-утопистов, обвинял их в стремлении установить деспотизм закона под защитой организованной анархии, в уничтожении вместе с частной собственностью и стимула к труду. С особой яростью Сюдр обрушивается на «социалистические измышления» Мабли, который, по его словам, «хитроумно вел атаку против частной собственности, не требовал немедленного осуществления своей коммунистической теории». «Это мнимое уважение к частной собственности,— пишет Сюдр,— только уловка, необходимая ему для того, чтобы тем вернее поразить собственность. К Мабли можно применить знаменитое изречение — „я обнимаю своего соперника, но для того, чтобы задушить его“»¹.

Аналогичный пасквильный характер имел доклад академика А. Франка о Мабли на годичном собрании членов пяти парижских академий 25 октября 1848 г. Разумеется, идеи коммунизма, волновавшие пролетариев, коренились не в старой, утопической системе Мабли, а в самом положении, которое занимал рабочий класс в капиталистическом обществе. Сама постановка доклада о Мабли на подобном собрании в год самостоятельного выступления французского пролетариата весьма показательна. Буржуазия мобилизовала своих ученых на борьбу против «гибельного вторжения идей коммунизма и социализма, несущих гибель просвещенным классам»².

Вслед за Сюдром и Франком другие буржуазные авторы в конце XIX — начале XX в. ополчились на «коммунистические химеры» Мабли (русский историк В. И. Герье, французский публицист Ж. Фабр, французский юрист Ля Серв и др.), стремясь фальсифицировать его идеи и одновременно скрыть истинные причины революционности народных масс и истинный характер коммунизма.

Особое место в литературе о Мабли занимает книга английского автора — Уитфильда, вышедшая в 1930 г. Уитфильд приложил немало усилий к тому, чтобы исказить идеи коммунизма и в совершенно извращенном свете представить всю систему взглядов Мабли. Предисловие к книге Уитфильда написал профессор Ласки, известный теоретик английского лейборизма.

Ласки видит в учении Мабли «единство высокого этического идеализма, сознание того, что будущий революционный переворот мог быть только разрушительным актом без параллельного творчества»; он утверждает, что «подобно самому Мабли, мы должны скептически относиться к возможности осуществления последовательного коммунизма».

Уитфильд на протяжении 320 страниц своей работы пытается объяснить происхождение социальных идей Мабли заимствованиями у античных авторов. Политический идеал Мабли, утверждает Уитфильд, умеренная монархия, социальный идеал — приближение к наибольшему равенству. Так как Англия имеет конституционную, т. е. умеренную, монархию, автор удовлетворен полностью мнимым политическим идеалом Мабли. Что касается приближения к наибольшему равенству, то это требование, подчеркивает автор, нашло разрешение в тех странах, где существует «государственная собственность, общая собственность между капиталистами и рабочими, соучастие в промышленности...»³.

¹ A Sudre Histoire du communisme. P., 1848, pp 1, 227, 346 (Французская академия в 1849 г. присудила Сюдру «Большую премию» за его пасквильную книгу — С С)

² A Frank Notice sur la vie et le système politique de Mably. («Le Moniteur Universel» du 24 nov. 1848, Paris)

³ E A Whitfield Gabriel Bonnot de Mably. L., 1930, pp 19, 33, 137, 203.

Книга Уитфильда — попытка социологической школки профессора Ласки подкрепить гнилые теоретические позиции реформистской практики одурачивания пролетариата.

В целом буржуазные историки не только не выяснили подлинного значения социальных и политических идей Мабли, их историческое место, но и в своих классовых целях запутали этот вопрос.

Истинное, научное изучение данной проблемы, как и всякой другой, может быть осуществлено только с марксистских позиций.

В произведениях классиков марксизма-ленинизма содержатся многочисленные указания на то, как подходить к выяснению содержания идеологии различных классов общества в целом или отдельных его представителей. Они учат связывать идейные явления с глубокими процессами, происходящими в материальной жизни общества, в его базисе, экономическом строе. Изменения в экономическом строе общества с необходимостью естественного процесса ведут и к изменениям надстройки, которая оказывает в свою очередь влияние на экономический строй.

Идеологические течения во Франции в дореволюционный период и явились отражением процессов, происходивших в общественных отношениях в связи с развитием капитализма в недрах феодализма. Идеи ряда мыслителей XVIII в. выходили за пределы господствовавших идей своего времени. Это особенно относится к социальным утопиям.

Великие учителя пролетариата Маркс и Энгельс считали Мабли коммунистом-утопистом. Они собирались издать некоторые его работы в неосуществленной серии — «Библиотека социалистов». Маркс считает Мабли критиком капиталистического характера физиократической системы¹. Ф. Энгельс прямо называет его теорию коммунистической².

Советская историческая наука дала ценные исследования по истории домарковского социализма. Среди них выдающееся значение имеют работы академика В. П. Волгина, давшего первые труды по истории социалистических идей. В своих исследованиях В. П. Волгин отвел место и социально-политическим воззрениям Мабли³. В. П. Волгин правильно рассматривает Мабли как автора коммунистической теории общества и как практического сторонника эгалитаризма. Вместе с тем он видит в нем и крупного политического мыслителя, идеи которого пользовались большой популярностью как накануне революции, так и в период самой революции 1789—1794 гг. В. П. Волгин первый обратил внимание на попытки Мабли отойти от рационалистического метода и подойти к изучению общественных явлений с материалистических позиций.

Мы ставим своей задачей проследить связь социальных идей Мабли с его политическими воззрениями и сделать попытку объяснить историческое содержание коммунистической утопии Мабли.

Экономическая и политическая обстановка во Франции того времени является ключом к пониманию социально-политических идей Мабли. Их возникновение и характер обусловила классовая борьба, бурно развивавшаяся на протяжении XVIII в. Это было время крайнего обострения противоречий феодального общества. Все более острым становился конфликт между новыми, вызревавшими в недрах феодализма производительными силами и старыми, феодальными общественными отношениями. К фео-

¹ См. К. Маркс *Капитал*, т. II, 1952, стр. 359.

² См. Ф. Энгельс *Анти-Дюринг*, 1952, стр. 18.

³ В. П. Волгин. *История социалистических идей*, ч. I, 1928, стр. 213—220, его же *Очерки по истории социализма*, 1935, стр. 199—204; его же *Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789)*, 1940; его же. *Социальное учение Мабли* (в кн. *Мабли. Избранные произведения*. М. — Л., 1950).

дальной эксплуатации присоединилась капиталистическая эксплуатация, французское крестьянство было задавлено беспримерным бременем сеннериальных и государственных поборов, превышавших доходность мелких и мельчайших хозяйств крестьян, пользовавшихся землей сеньеров на правах чиншевиков и половников. Тяжесть феодальных и государственных поборов увеличивалась на протяжении всего века¹

Крестьянская масса все более лишалась призрачной поддержки общины, общинные земли захватывались сеньерами и деревенскими богатыми. Капиталистический арендатор появляется в деревне в виде буржуа-предпринимателя или деревенского фермера, который вытеснял старые формы землевладения, лишая деревенскую бедноту возможности продолжать пользоваться землей сеньера в качестве чиншевиков и половников. Масса разоренных крестьян превращалась в поденщиков на землях богатых арендаторов или устремлялась в города, пополняя собой многотысячную армию нищих, бродивших по всем дорогам Франции.

Капиталистическая мануфактура еще не была настолько развита, чтобы поглотить эту массу изгнанных из деревень крестьян, поэтому правительство предпринимает периодические облавы на нищих и посылает их на галеры, на эшафот, сажает в тюрьмы.

Наряду с антагонизмом между растущим новым классом буржуазии и феодальным классом дворянства и духовенства продолжал существовать и получил еще большее обострение антагонизм между имущими и неимущими, эксплуататорами и эксплуатируемыми. Безземельное крестьянство Франции и беднота городов — рабочие, ремесленники, подмастерья, поденщики всякого рода, те, кого принято называть общим именем — городской плебс, неимущие слои городов — вся эта огромная масса противостояла имущим классам общества, все более приводилась в движение. В ней была скрыта колоссальная энергия, о которой она сама не имела ясного представления. Каждая из групп этой массы неимущих и малоимущих смутно сознавала свои особые интересы. Они не могли выделить своих

¹ Об общем хозяйственном упадке Франции, особенно ее сельского хозяйства в начале XVIII в., рассказывает Бугагильбер. Крестьяне были задавлены несправедливыми налогами, испытывали притеснение со стороны сотен тысяч чиновников и сборщиков налогов.

Франция находится в несчастном состоянии — таков вывод автора (Boisguilbert *Faictum de la France*, Brussels, 1712, p. 25—28).

В своей известной работе «Королевская десятина» Вобан утверждает, что только десятая часть населения Франции жила в условиях, исключающих нищенство и нужду (Vauban *Projet d'un dixième royal*, *Economistes financiers du XVIII siècle*, P., 1843, pp. 34—35).

Естественно, что упадок сельского хозяйства обусловил хронический голод во Франции. В XVIII в. мало было таких годов, когда целые провинции Франции не голодали бы. Многочисленная свора спекулянтов во главе с королем вызывала голод скупкой хлеба после снятия урожая и его продаж по высоким ценам.

Герцог Сен-Симон рассказывал о зиме 1708/9 г., когда чиновники короля, заранее скупившие хлеб, продавали его по высоким ценам и население повально умирало от голода (Сен-Симон Мемуары Academia, 1934, т. 1, стр. 453).

Для характеристики положения Франции в 20—50-е годы XVIII в. много материала дает маркиз д'Аржансон.

«Провинция истощена, нищета достигла повсеместно неслыханной степени, люди умирают вокруг нас от бедности и недоедания, как мухи», — записывает он в дневнике в феврале 1739 г. «Положительно можно сказать, что за последние два года число французов, умерших от нищеты, больше, чем убито во всех войнах, которые вел Людовик XIV» (1740). Автор дневника сравнивает Францию с хронически больным человеком. «Франция представляет собой больного, которого в течение ста лет последовательно лечили три врача в красных мантиях: первый (Ришелье) ее обескровил, второй (Мазарини) ее прочистил, третий (Флери) ее посадил на диету» (1740) (D'Argenson *Memoirs*, P., 1825, p. 322—323, 331).

идеологов, которые сформулировали бы их программу. В борьбе против феодализма они шли вместе с буржуазией. Но они знали также и то, что необходимы какие-то изменения в жизни их класса, группы, какие-то новые отношения к имущим классам в целом.

Народная ненависть к угнетателям проявилась в массовых волнениях, в разгроме усадеб сеньоров, налоговых бюро, хлебных магазинов, полицейских управлений, городских ратуш¹. Крестьяне требовали не только сокращения налогов, они постоянно приходили к мысли и относительно перераспределения земельной собственности. К моменту революции они были уже достаточно подготовлены к тому, чтобы сделать попытку взять инициативу по распределению земель сеньоров в свои руки. Крестьянское движение 1788—1789 гг. это ясно показывает. Вопрос о крупной земельной собственности встал во весь рост перед революцией.

Неоформленные идеи имущественного равенства, уравнительного землепользования, общего владения землей бродили в головах деревенской бедноты. Городской плебс заявлял о своих собственных требованиях, став уже за несколько десятилетий перед революцией на путь организации своих союзов и устройства стачек².

Классовая борьба вызвала к жизни обширную оппозиционную и революционную литературу. «Религия, понимание природы, общество, государственный порядок — все было подвергнуто самой беспощадной критике...»³.

Самым ранним провозвестником народной революции был деревенский священник Жан Мелье, «Завещание» которого распространялось в списках после смерти автора и частично было издано в 60-х годах Вольтером. Мелье призывал народ «размножить коронованные головы», свергнуть иго духовенства и дворянства. Он выдвинул идею новой организации общества на основе общественной собственности. Все люди должны трудиться и пользоваться продуктами общего труда сообща.

«Завещание» Мелье является замечательным памятником революционно-демократической и философско-материалистической мысли первой трети XVIII в

¹ Герцог Сен-Симон отметил крупные антиналоговые восстания крестьян в 1708—1709 гг. в Кагоре, где «двум батальонам солдат едва удалось отстоять целостность города от нападавшей толпы вооруженных крестьян и пришлось туда послать вспомогательный воинский отряд», в Перигоре, где «взбунтовалось все сельское население и где повстанцы овладели одним маленьким городом и несколькими замками» (Сен-Симон. Указ. соч., т. I, стр. 461)

Маркиз д'Аржансон отметил в период 20—40-х годов XVIII в. массу случаев восстаний населения сел и деревень вызванных голодом и бесчинствами сеньоров, сборщиков налогов, агентами по вербовке в армию и другими причинами. Вооруженные восстания крестьян и городской бедноты особенно крупных масштабов отмечены автором мемуаров в Провансе (свыше 2000 вооруженных крестьян), Лангедоке, Гиенни, Оверни, Нормандии (15—16 тыс вооруженных крестьян и горожан). В провинциях, отмечал д'Аржансон, действовала целая армия «контрабандистов» численностью до 2000 человек, нападавшая на сборщиков налогов. Д'Аржансон отметил массовое дезертирство солдат из армии короля: за время с 1748 по 1752 г. из армии дезертировало 30 000 солдат. Были случаи мятежей в армии. Так, в Бретани восстали солдаты одного полка, и правительство жестоко покарало мятежников — каждый десятый солдат был казнен (D'Argenson La France au milieu du XVIII siècle (1747—1757) d'après «Le Journal du Marquis d'Argenson» P., 1898 — Октябрь 1749, февраль 1750, июнь — май 1752, декабрь 1752, январь 1753, октябрь и декабрь 1754).

² Со второго десятилетия XVIII в. начинаются стачки рабочих. Особенно частым явлением они стали с середины XVIII в. Часто стачки перерастали в вооруженные выступления, подавлявшиеся регулярными войсками правительства. Для борьбы с предпринимателями рабочие объединялись в многочисленные тайные организации по профессии (Ф. В. Потемкин. Экономический кризис в 1787—1789 гг. «Труды МИФЛИ», т. VI, 1940, стр. 130)

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 16.

Политический и философский радикализм Мелье пугал буржуазных просветителей. Вольтер, проведший огромную критическую работу в борьбе с феодальной идеологией, мечтал о «просвещенной монархии». Общественно-политические идеи французской буржуазии нашли воплощение в конституционной теории Монтескье. Буржуазия стремилась к компромиссу с дворянством на основе замены феодальной собственности — буржуазной, абсолютной монархии — конституционной. Физиократы выразили экономические идеи буржуазии, создали ее политическую экономию. «...система физиократов, — писал Маркс, — является первой систематической концепцией капиталистического производства»¹.

В своих общественно-политических представлениях к Монтескье в той или иной степени примыкали энциклопедисты: Дидро, Гельвеций, Гольбах. Но их великая заслуга перед историей заключается в разработке материалистической философии. Именно они нанесли сокрушительный удар феодальной идеологии, освободили науку от религиозных представлений, придали ей светский, гражданский характер. Материалистическая философия дала теоретическую основу для развития социалистической мысли.

Демократическое направление общественной мысли, родоначальником которого был Жан Мелье, во второй половине XVIII в. было продолжено Жан-Жаком Руссо, Морелли и Мабли.

Руссо разработал теорию демократической республики равенства. Требование уравнительного землепользования имело промадное революционное значение в борьбе с феодальным строем. Некоторые положения теории Руссо были использованы другими теоретиками уравнительности, в том числе и Мабли.

Теория уравнительности наиболее полно отразила чаяния французской деревни дореволюционного периода. Общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками находила свое выражение в стихийных выступлениях городской и деревенской бедноты. «Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII столетии — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)»².

Наиболее развернутую теорию утопического коммунизма в XVIII в. дал Морелли в своем трактате «Кодекс природы или истинный дух ее законов» (1755 г.). И по своей форме и по своему содержанию трактат Морелли направлен против Монтескье, т. е. против буржуазной общественной теории. В основе учения Монтескье была частная буржуазная собственность. Морелли посвятил свой трактат обоснованию того положения, что общественная собственность полностью соответствует духу и намерениям природы. В заключительной части своего трактата Морелли дает подробное описание коммунистического государства в форме его конституции. Несомненно, большое влияние на его конституцию коммунистической республики оказал Кампанелла своим трактатом «Государство Солнца».

Характерная черта коммунистических воззрений Морелли — это его вера в осуществимость своего социального идеала. Правда, Морелли не ставит вопроса о том, при каких условиях возможна победа коммунистических отношений. Рисуя перед взором читателя картину коммунизма, он как бы заявляет — вот общество, достойное человека, и это общество

¹ К. Маркс. Капитал, т. II, 1952, стр. 359.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 18.

со временем будет Но при каких условиях и каким образом осуществится переход к коммунизму — этого Морелли не говорит

В этом отношении богаче, живее и, в некотором, весьма условном смысле, реальнее коммунистическая утопия Мабли, возникающая в условиях, когда ее автор принимал деятельное участие в политической борьбе.

* * *

Габриэль Бонно де Мабли (1709—1785) происходил из семьи дворянина, члена гренобльского парламента Родители собирались посвятить его духовной карьере, дав ему образование в коллеже иезуитов в Лионе и семинарии Сен-Сюльпис в Париже Однако, окончив семинарию и получив духовное звание аббата, Мабли отказался от духовной карьеры, избрав поприще историка и политического писателя

Перу Мабли принадлежат 30 работ, опубликованных отдельными изданиями на протяжении почти 50 лет — с 1740 по 1789 г В годы первой французской революции вышло несколько изданий его сочинений во Франции и Англии, из которых наиболее полное — парижское издание 1794—1795 гг, составляющее 15 томов¹

Биография Мабли почти полностью исчерпывается его работами, вся его жизнь — в его произведениях После кратковременной службы в качестве секретаря министерства иностранных дел Франции (1742—1746) Мабли целиком отдался разработке политических и социальных проблем своего времени Общетеоретической основой социально-политических идей Мабли было одно из направлений материалистической философии, именно то, которое было представлено в Англии Локком, а во Франции развивалось братом Мабли — Кондильяком

Мабли сам указывает на этот факт Локк, и затем Кондильяк, писал Мабли, объяснили нам происхождение наших идей² В статье «О развитии, успехах и границах разума» он заявил еще более определенно «Я только приложил принципы философии моего брата к морали и политике»³

Развитие социалистической мысли в XVIII в теснейшим образом было связано с философией Локка — Кондильяка Говоря об этом направлении философии, Маркс и Энгельс писали «Последний вид материализма составляет *по преимуществу, французский* образовательный элемент и ведет прямо к социализму»⁴

Кондильяк выступил против Декарта, отверг метафизические системы, теорию «врожденных идей» Он утверждал, что воспитание, среда являются определяющими условиями развития человека

Учение Локка — Кондильяка о влиянии среды и роли воспитания в развитии человека определили характер социально политических воззрений Мабли Опираясь на своих учителей Мабли создает «теорию страстей», согласно которой страсти, как проявление различных чувств человека, определяют отношения в обществе До возникновения частной собственности существовали только добродетельные страсти Частная собственность породила дурные страсти — жадность, честолюбие, сладострастие и др Дурное воспитание поддерживает дурные страсти С уничтожением частной собственности исчезнут и главные порочные страсти, а воспитание должно укреплять те страсти, которые полезны обществу

¹ Mably Collection Complète des oeuvres P, 1794—1795 В дальнейшем ссылки на это издание

² Mably De la Superstition (Coll Compl t XVIII, p 313)

³ Mably Du developpement, des progres, et des bornes de la raison, Там же т. XV, стр 26).

⁴ К Маркс и Ф Энгельс Соч, т III, стр 154.

Теория страстей определила и этические взгляды Мабли. Нравственно то, что укрепляет добродетельные страсти, что способствует общественному благу, подчиняет частные, личные интересы общественным. Главная задача государства — воспитание принципов здоровой морали.

Мабли, как и Кондильяк, — дуалист; он придавал одинаковое значение материальному и духовному началам. Он — деист, бог для него — первопричина мира.

Видное место в методологии Мабли занимала теория естественного права. Его объяснения принципов равенства с точки зрения так называемых законов природы имеют много общего с принципами Руссо.

Однако Мабли писатель самостоятельный, как это особенно ясно показывает его полемика с физиократами. Социальный вопрос занимает главное место в его системе взглядов. Свое учение Мабли называет системой коммунистической собственности и равенства условий¹. Сложилась оно не сразу. Первое произведение Мабли — «Сравнительная история римлян и французов» («Parallèle de Romains et des Français») было опубликовано в 1741 г. Оно было посвящено обоснованию монархического принципа государственной власти во Франции. Впоследствии автор высказал горькое сожаление, что он напечатал это произведение.

В следующей работе — «Публичное право Европы» («Le droit public de l'Europe»), опубликованной в Амстердаме в 1748 г., Мабли рассматривает международные отношения, начиная от Вестфальского мира. Отмечая смелость высказанных в ней суждений о внешней политике Людовика XV, Гримм писал: «В конце концов лучше замолчать и спать спокойно, ибо самые глубокие рассуждения не стоят и одной ночи, проведенной в Бастилии»². Эта работа свидетельствует об отходе Мабли от монархических взглядов, о начале серии критических работ, в которых автор будет искать свой общественный идеал. Уже в этой работе автор ставит вопрос: «Не является ли самой великой несправедливостью то, что в современных государствах один владеет всем, а другие — ничем»³. Но ответа на этот вопрос он еще не дает.

Критический характер носят следующие две работы Мабли по истории Греции и Рима («Observations sur les Grecs», 1749 и «Observations sur les Romains», 1751), изданные в Женеве. Прославление античных республик как государств демократических являлось косвенной критикой общественного строя современных Мабли государств.

С наибольшей силой критическая сторона и основы социально-политических воззрений Мабли выявились в работе «О правах и обязанностях гражданина» («De droits et de devoirs de citoyen»), написанной в 1758 г., но опубликованной после смерти автора, в 1789 г. Работа эта замечательна тем, что в ней автор рассматривает вопрос о законности гражданской войны за свободу, о путях общественного преобразования Франции, о связи политических и социальных проблем. Здесь автор впервые в положительной форме говорит о преимуществах общественной собственности.

Критический характер имела «История Франции» («Observations sur l'histoire de France»), первые два тома которой вышли в 1765 г. в Париже, а последний, третий том — в 1788 г., уже после смерти Мабли.

Мабли не решился опубликовать заключительный том «Истории Франции» по той же причине, по которой он не выпускал своей книги

¹ Mably. Doutes (Coll Compl, t XI, p. 155).

² Grimm Correspondance, t IV, p 30.

³ Mably Coll Compl, t VI, p 481.

«О правах и обязанностях гражданина». В заключении «Истории Франции» он клеймит узурпации королевского дома и других феодалов, показывает всю гнилость абсолютистского режима и делает вывод — либо нужна революция, либо Франция погибнет.

Публикация этих работ при жизни автора обеспечила бы ему постоянное место в Бастилии.

Наиболее полное выражение социальные взгляды Мабли получили в работах «Сомнения о естественном порядке политических обществ» («Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel de sociétés politiques», 1768) и «О законодательстве» («De la législation», 1776). Содержание этих работ будет рассмотрено ниже.

Последующие работы Мабли в основном повторяют идеи предшествующих главных произведений.

* * *

Характерная черта демократической мысли XVIII в. — это стремление найти опору в исторических фактах. Это всего более заметно у Руссо и Мабли. Теория происхождения общества, развернутая Руссо в его произведении «Происхождение неравенства» (1755), оказала большое влияние на современников. Некоторое влияние Руссо испытал и Мабли. Оба мыслителя считали, что на ранней ступени своего развития человечество не знало частной собственности. Но для Руссо это было счастливое бытие одиночек, пользовавшихся абсолютной свободой, для Мабли — еще не совершенный человеческий коллектив, стремившийся к тесной общественной жизни, являющейся нормой человеческого бытия.

По-разному относились оба мыслителя и к происхождению государственной власти. Руссо считал, что государство есть результат общественного договора, Мабли же считал, что государственная власть имеет своим источником узурпацию народного суверенитета. Мабли был убежден, что первоначально люди жили в условиях совершенного равенства, частной собственности не существовало, царило полное счастье, не было ни бедных, ни богатых, ни монархов, ни аристократов, общественными делами занимались избранные народом уполномоченные (магистраты). Но по неизвестным причинам, — вероятно, появились лентяи, не желавшие работать, любители жить за общественный счет, — была совершена непоправимая ошибка — люди поделили землю между семьями и, таким образом, возникла частная собственность, источник всех пороков.

На первых порах, поскольку раздел земли был учинен на условиях наделения каждой семьи одинаковым по размеру участком, существовало равенство, но, вероятно, уже в третьем поколении равенство было нарушено, появились богатые и бедные, между ними началась борьба, которая привела к захвату общественных должностей богатыми семьями. В свою очередь между ними с течением времени выделилась одна самая богатая семья, которая захватила монопольную власть. Так появились монархи, узурпировавшие власть, принадлежавшую народу¹.

Мабли задался целью найти пути достижения человеческого счастья. Изучение его работ показывает, что он вовсе не был тем кабинетным мыслителем, каким его рисовали буржуазные исследователи, пытавшиеся доказать, что все идеи были подсказаны античными авторами или более близкими к нему по времени социальными утопистами — Т. Мором, Т. Кампанеллой и др.

¹ Mably Doutes. (Coll Compl., t XI, pp 5, 33), Droits et devoirs (Там же, т XI, стр. 266, 309—311)

Когда Барская конфедерация предложила ему написать конституцию, он в возрасте 61 года отправился в Польшу, где в течение целого года изучал жизнь различных классов польского общества, и только после этого принялся за свой труд о Польше.

Когда творцы «Декларации независимости» Соединенных Штатов Америки обратились к Мабли с просьбой высказаться о конституциях штатов, он не мог, конечно, отправиться в далекое заокеанское путешествие — ему было 73 года, — но он тщательно изучил маленькую историю американских колоний, их освободительную борьбу, конституции штатов, много беседовал с Дж. Адамсом и Вениамином Франклином и только после этого написал свой труд о Соединенных Штатах Америки.

Но главное внимание Мабли обращал на историю своей страны, которую изучал по историческим источникам и о которой дал первоклассный для своего времени труд, чуждый всякой идеализации. Его история Франции — это история бедствий французского народа, история узурпации прав народа жестокими королями, история постоянных захватов дворянством и духовенством крестьянской собственности, история кровавого подавления абсолютизмом народного сопротивления.

Общественно-политическую обстановку своего времени он знал превосходно; он был хорошим наблюдателем, встречался со многими просветителями, например с Монтескье, маркизом д'Аржансоном. К тому же он имел пятилетнюю практику государственной службы в качестве секретаря ведомства иностранных дел Франции.

Основываясь на изучении истории Франции, он пришел к выводу о необходимости радикального общественного и политического преобразования страны.

«Если существует, — говорит Мабли, — хоть какой-нибудь принцип разума и морали, справедливость позволяет, следовательно, прибегать к вооруженному сопротивлению угнетателю, который насилует законы или ими злоупотребляет с целью установить неограниченную власть»¹.

Размышляя о возможности восстания, Мабли считал, что для этого необходимо выждать подходящий момент, когда абсолютистское правительство будет в затруднительном положении. «Можно выбрать... какое-нибудь счастливейшее обстоятельство для восстания: внешняя неудачная война, истощенные припасы, плохие генералы, еще более плохие министры, которые не знают ни того, что они делают, ни того, что надо делать, — что можете вы пожелать лучшего? Не будет ли достаточно в этот момент дать клич к свободе, уничтожить налоги, изгнать откупщиков, объединиться с иностранцами, чтобы привлечь на свою сторону Бретань, Гиень, Прованс или какую-нибудь другую пограничную провинцию, выведя ее из оцепенения»².

Допуская возможность восстания, Мабли все же не уверен в его победоносном исходе. Поражения народных восстаний во Франции и разочарование конечными результатами английской революции заставляли Мабли сомневаться в успехе восставших. Народ пойдет на восстание, но найдут ли он толковых руководителей в военном и гражданском деле? Можно ли поднять все провинции против абсолютизма, не окажется ли на стороне короля больше сил? Все эти вопросы волновали Мабли, и он проникся пессимизмом, приходя к выводу, что абсолютизм потопит народное восстание в крови.

¹ Mably. Droits et devoirs (Coll. Compl., t. XI, pp. 325—327, 332—334).

² Там же, т. XI, стр. 423. Любопытно, что Мабли называет как раз те провинции, в которых неоднократно в XVII—XVIII вв. были народные восстания.

Признавая восстание против деспотизма законным и справедливым, Мабли не считает, однако, его единственным средством борьбы за свободу. Ему свойственна боязнь того, как бы вместо тирании одного деспота не утвердилась тирания «многих Кромвелей», которые поставят оружие выше закона, армию — выше законодательного собрания. Изменения в жизни страны необходимы решительные «Выбирайте между революцией и рабством, середины нет», — заявляет Мабли¹. Но кто же возьмет на себя руководство революцией? Дворянство, по мнению Мабли, разложилось и заражено предрассудками. Духовенство, хотя и пользуется некоторым уважением в целом, в отдельности презираемо Церковники — враги свободы, они помышляют только об увеличении своих доходов. Провинциальные штаты бессильны взять инициативу проведения реформы.

Остаются парламенты. Конечно, они заинтересованы в сохранении своей администрации, своих доходов, они прониклись предрассудками дворянства, и поэтому трудно ожидать от них какой-либо инициативы. Но если бы парламенты возвысились до того, чтобы стать во главе наиболее могущественного, третьего сословия и настояли на созыве Генеральных штатов, то можно бы надеяться на успех революции. Появятся тысячи брошюр, чтобы просветить народ относительно его интересов. Народ потребует от Генеральных штатов, чтобы они были подлинным представителем нации и проявили твердость в борьбе с деспотом. Противоречия более непримиримы. От твердости и степени понимания собственных задач зависит победа Генеральных штатов².

Мабли указал и на ближайшие результаты революции, которую он ожидал. По его мнению, законодательная и исполнительная власть после победы народа должна быть сосредоточена в руках Генеральных штатов, которые, смотря по обстоятельствам, могут объявить себя Чрезвычайным собранием, исполнительная власть будет осуществляться через посредство избранных Штатами министров. Мабли полагает, что в первое время королевское звание еще номинально будет сохраняться (вероятно, при условии, если король будет терпеливо относиться к революционной власти). Но на известном этапе развития революции королевское звание уничтожается: «Когда нация созреет для решения той задачи, какая в Англии стоит в порядке дня, что помешает, по примеру древних римлян, уничтожить само королевское звание?»³

В заключительной части своих «Замечаний по истории Франции» Мабли также приходит к выводу, что Франция погибнет, если не получит встряску в результате одного из тех великих событий, о которых рассказывает история некоторых стран⁴.

Рассуждения Мабли о необходимости коренных изменений во Франции позволяют причислить его к сторонникам уничтожения абсолютистской монархии, видеть в нем одного из последователей Мелье.

Но в рекомендации способов уничтожения абсолютистской монархии Мабли противоречив. Признавая, что лучший способ добиться победы над абсолютизмом — открытое восстание, гражданская война, Мабли все же рекомендует созыв Генеральных штатов, которые сосредоточат в своих руках всю законодательную и исполнительную власть и подготовят переход к республике. Мабли указывает, что Генеральные штаты будут опираться на народ, однако не совсем ясно, в каких формах народ будет оказывать поддержку Штатам.

¹ Mably. Droits et devoirs (Coll Compl., t XI, p. 438).

² Там же, стр. 452—453.

³ Там же, стр. 501.

⁴ Mably Observations de France (Там же, т III, стр. 317—320).

Проекты политического преобразования Франции позволяют считать Мабли одним из первых республиканцев Франции дореволюционного времени. В этих своих проектах Мабли кое-где отходит от рационалистической схемы. Так, рассуждая о различных формах государственной власти — о монархии и республике, — Мабли замечает, что в тех государствах, где существует огромное экономическое и политическое неравенство, сохраняется сословное деление, думают иначе, чем там, где это неравенство отсутствует или менее резко выражено. Существование монархической власти Мабли связывает с особенностями феодального строя. Где феодализм преодолен, там существует республиканская форма государства, например в Швейцарии¹.

Существование монархии, таким образом, имеет историческое объяснение. Чтобы уничтожить монархию, нужно уничтожить основы, на которые она опирается. Критика современного ему общества, проекты политического преобразования подвели Мабли к социальному вопросу.

* * *

В своих теоретических выводах о необходимости уничтожения монархии во Франции Мабли предстает перед нами в качестве теоретика буржуазной революции, но когда он задумывается над характером общественного устройства республики, он является утопистом-коммунистом.

Мабли догадывался, как мы знаем, что характер государства определяется отнюдь не политическими учреждениями, которые в нем существуют. Вот почему он утверждает, что установление республики вовсе еще не обеспечивает подлинной свободы граждан. Одной любви к свободе, рассуждает он, достаточно для того, чтобы установить республику. Но это только наполовину обеспечивает свободу, т. е. вовсе ее не обеспечивает. Необходимо еще иметь хорошие законы. Но при каких же условиях возможны хорошие законы (и, конечно, их исполнение)?

Ответ на этот вопрос Мабли основывает на своей теории страстей. Впервые эта теория получила свое выражение в книге «О правах и обязанностях гражданина», затем в более поздних работах Мабли — «Разговоры Фокиона» («Entretiens de Phocion», 1769) и др. Мабли утверждает, что страсти являются могучей общественной силой, они — «душа мира», благодаря им люди возвышаются до большой степени величия и силы. Но страсти бывают разные, хорошие и дурные. Хорошие страсти — те, которые объединяют людей (дружба и взаимопомощь). Дурные страсти — те, которые разъединяют людей, сообщают им личный интерес. Отсюда вытекает задача — развивать добродетельные страсти и вытравлять дурные. Пока в обществе имеют место дурные страсти, не может быть никакой свободы, никакого уважения к хорошим законам. Значит, для того, чтобы республика имела хорошие законы, которые обеспечили бы подлинный расцвет свободы граждан, ее прочность, жизненность, истинное счастье людей, необходимо подрезать корни произрастания дурных страстей, этих ужасных пороков общества.

Что же является главным источником дурных страстей общества? Частная собственность (*la propriété des biens*) — отвечает Мабли.

В своих дальнейших политических построениях Мабли опирается на хорошо ему известный исторический материал: Мабли много занимался историей и дал интересные для своего времени работы по истории Греции и Рима, Франции, дипломатической истории Европы и т. д. Он нашел,

¹ Mably. Droits et devoirs (Coll Compl, t XI, p. 502).

что частная собственность отнюдь не сопровождала человеческий род от его колыбели. Первобытное общество, утверждал он, не знало частной собственности, и это было согласно законам природы, естественному положению людей. Но на каком-то этапе своего развития люди поделили между собой землю, не предвидя ужасных последствий этого акта. «Но мы,— писал Мабли,— мы видим все бесконечное зло, которое вышло из этого ужасного ящика Пандоры; не должны ли мы, если хоть малейшая надежда трогает наш разум, желать этой счастливой общности имущества, столь хвалимой, столь оплакиваемой поэтами, которую Ликург установил в Лакедемонe, Платон хотел возродить в своей республике и которая благодаря развращению нравов скорее может быть только химерой в нашем мире»¹.

Утверждение, что в первобытные времена существовала только общность имущества и никакой частной собственности не было, стало главной посылкой Мабли в защите принципа общественной собственности как основы идеального общества.

Возникновение частной собственности, утверждает Мабли, привело к разделению общества на классы богатых и бедных, угнетателей и угнетенных, находящихся в непримиримой взаимной вражде. «С одной стороны — угнетатели, жадные, глупые и опьяненные безмерностью своих богатств, которые обеспечивают им роскошь и удовольствие. С другой — угнетенные, которых нищета лишила способности думать; и эти животные (*les brutes*), которые не считаются больше людьми и которые ими действительно не являются, вынуждены поедать гнусный корм потому, что им отказывают в человеческой пище; вот история древних народов, ассирийцев, вавилонян, индусов, персов и т. п. опозоренных их роскошью и изнеженностью, и история большинства наших современных государств»².

Эту же мысль о наличии классового деления общества на основе собственности Мабли развивает в книге «Сомнения... о естественном порядке общества», направленной против физиократической системы. В этой книге Мабли наиболее полно обосновал принцип общественной собственности.

Выступая против физиократов, утверждавших, что земельная собственность — закон природы, основа естественного порядка общества, Мабли отвергал их утверждения. «С тех пор, как я вижу земельную собственность установленной, я вижу и неравенство имущества; а из этого неравенства имуществом не должны ли произтекать различные и противоположные интересы, все пороки богатства, все пороки бедности, грубость чувств, развращение гражданских нравов и все те предрассудки и страсти, которые вечно подавляют «очевидность», на которую, однако, наши философы возлагают свои последние надежды. Откройте страницы истории,— вы увидите, что все народы были измучены этим неравенством имущества. Граждане, гордые своими богатствами, отказались рассматривать как равных себе людей, осужденных работать, чтобы жить; одновременно вы увидите возникновение правительств несправедливых и тиранических, законов,— пристрастных и угнетающих и, одним словом, массу бедствий, от которых стонут народы.

Вот какую картину представляет история всех народов»³.

Мабли прямо указывает, что и современное ему общество — классовое общество, что бы там ни утверждали «философы», т. е. физиократы: «Почему не видят, что наше общество разделено на различные классы людей, которые благодаря земельным собственникам, их скупости, их тще-

¹ Mably. Droits et devoirs (Coll. Compl., t. XI, pp., 379—380).

² Там же, стр. 382—383.

³ Mably. Doutes... (Coll. Compl., t. XI, p. 10—11).

славию имеют каждый свои интересы, я не говорю — различные, но противоположные. Надо быть очень уверенным в своем красноречии и ловкости пользоваться софизмами, чтобы отважиться льстить себя надеждой убедить поденщика, который имеет только свое мастерство, чтобы жить, работая в поте лица и нужде, что его положение наилучшее из возможных; что это — большое благодеяние, когда существуют крупные собственники, которые все захватили и живут восхитительно, в изобилии и радости. Как можно убедить земледельца в том, что для него одинаково — быть только арендатором участка или владеть им на правах собственности. Одним словом, сударь, как вы себе это представляете, как заставить поверить людей, которые не имеют ничего, т. е. значительное большинство граждан, что они существуют при порядке, при котором они могут найти самую большую сумму возможных радостей и счастья. Нельзя доказать того, что ошибка есть истина»¹.

Для Мабли существовало прежде всего противоречие одного, общего порядка — между угнетателями и угнетенными, богатыми и бедными. Мабли не различал изменений способа производства, изменений формы частной собственности, социальной основы государства. Он не уловил закономерности в развитии классового общества, он был идеалистом-метафизиком.

Правда, робкий шаг к историческому взгляду на опыт прошлого он все же сделал и увидел, что в основе коренного антагонизма в обществе лежит частная собственность, которая обусловила деление общества на противоположные и непримиримые классы богатых и бедных, угнетенных и угнетателей.

Этот робкий шаг Мабли и обусловил разработку им политической теории и оригинальной социальной утопии.

Если, как это сказано выше, в определении непосредственных нужд Франции Мабли исходил из реально существующих условий, то при определении дальнейших задач Франции, как и всякого другого современного ему государства, при определении идеального общественного устройства Мабли целиком стоял на почве утопии.

Для решения теоретической задачи относительно того, что делать с феодально-абсолютистскими порядками, можно было прибегнуть к историческому опыту буржуазных революций в Нидерландах и Англии. Что касается решения более сложной теоретической задачи социального переустройства общества, тут нельзя было привлечь исторический опыт, так как его не было.

Но были исторические легенды о Золотом веке, восходившие к наиболее раннему периоду существования земледельческо-пастушеских обществ античной Греции. Была Спарта, управляемая Ликургом, создавшим мудрые законы, сравнения с которыми (в глазах Мабли) не выдерживало законодательство всех позднейших государств. Известны были рассказы о первобытной простоте индейцев Северной Америки, не запятнанных частной собственностью. Все эти исторические легенды и противоречивые сведения о жизни современных Мабли отсталых племен были взяты им в качестве исторической основы при разработке социальной утопии.

Если в прошлом (а кое-где и в настоящем), рассуждал Мабли, общество существовало на основе общего владения землей, скотом и другим имуществом, почему невозможно установить общественную собственность или хотя бы равенство имущества теперь или в будущем? Общественная собственность — естественная основа существования человеческого

¹ Mably. Doutes... (Coll. Compl., t. XI, pp. 38—39).

общества, закон природы. «Почему бы нам,— писал Мабли,— не остаться с одной личной собственностью, которую мы получили из рук благотворной природы? Природа предназначила нас быть равными между собой, ибо никакой человек не может требовать от другого человека обязанностей, которые он сам не должен был бы в свою очередь выполнять для него; она дала всем одинаковые потребности, чтобы постоянно предупреждать о нашем равенстве; она нас соединила общественными качествами, которые должны бы составить наше счастье, но которые стали грубыми и свирепыми страстями с того времени, как возникло деление людей на богатых и бедных. Мы сильно наказаны за то, что искали счастья не там, где поместил его творец»¹.

В приведенном рассуждении Мабли очень важно указание на общественные качества, присущие людям, качества, связывающие отдельных индивидуумов в общественное целое. Среда, общественный строй, основанный на частной собственности, извращает человеческие страсти. Вывод отсюда определенный — нужно изменить среду, дать общественному строю людей другую основу — общественную собственность.

Мабли мечтает об идеальном общественном строе, основанном на общественной собственности, где присущие людям общественные качества сильнее развивались бы ради общего счастья людей. «Я никогда не могу читать,— пишет Мабли,— описание путешественником некоторого пустынного острова, небо которого безмятежно, а воды — здоровы, без того, чтобы меня не взяла зависть и не появилось желание сейчас же установить там республику, где были бы все равны, все богаты, все бедны, все свободны, все братья, где нашим первым законом было бы ничем не владеть на правах собственности. Мы приносили бы в общественные кладовые плоды нашей работы: они были бы государственным достоянием и наследием каждого гражданина. Ежегодно отцы семейств выбирались бы экономами, облеченными функцией распределять то, что необходимо каждому, в соответствии с его потребностью, назначать граждан на работу, которая необходима для общества, и поддерживать хорошие нравы в государстве»².

Идеальная коммунистическая республика Мабли,— это по существу патриархальная крестьянская община прошлого с ее грубой уравнительностью и аскетизмом, вынужденным бедностью.

Мабли возмущался побасенкой, пущенной в литературный оборот физиократами (и повторяемой буржуазией до нашего времени), будто частная собственность является единственным стимулом, побуждающим людей к труду. Мабли указывает, что в условиях существования общественной собственности развиваются более могущественные побуждения к труду, как любовь к славе, желание завоевать общественное уважение и т. д. Желание трудиться ради общественного блага будет побуждать граждан коммунистической республики к трудовому соревнованию.

«Именно земледельцев, поля которых были бы наиболее плодородными, я поощрял бы к соревнованию вознаграждением; пастуха, стадо которого было бы наиболее здоровым и плодовитым; охотника, самого ловкого и наиболее выносливого в том, чтобы выносить трудности своей профессии и изменения погоды; ткача, наиболее трудолюбивого; женщину, занятую всего более домашними обязанностями; отца семьи, наибо-

¹ Mably. Doutes... (Coll. Compl., t. XI, p. 11). Под личной собственностью Мабли как и физиократы, понимал свободу человека, так сказать собственность человека на самого себя.

² Mably. Droits et devoirs. (Coll. Compl., t. XI, p. 383); De la legislation. (Там же, т. IX, стр. 69—70).

лее внимательного к воспитанию в семье гражданских обязанностей, и детей, наиболее послушных на уроках и наиболее старающихся подражать добродетелям своих отцов»¹.

Мабли отвергает утверждение физиократов, что общественное неравенство является следствием физического неравенства людей и, таким образом, продиктовано самой природой. Экономисты, писал Мабли, хотят заставить людей рассматривать право силы как истинное право. Но это не отвечает законам природы. «Установите общность имуществ (*la communauté des biens*), и ничего после этого не будет более легкого, как установить равенство положений и утвердить на этой двойной основе счастье людей»².

Мабли, конечно, признавал, что физические (и моральные) качества людей не одинаковы и это обстоятельство при установлении общей собственности может привести к попыткам восстановить частную собственность. Но эту опасность, рассуждает Мабли, можно будет предупредить, если мудрая политика будет подавлять привязанность людей к частной собственности. Именно на эту сторону вопроса, продолжает он, должны обратить свои взоры философы. Их обязанность заключается в том, чтобы предупреждать об этой опасности, возможных ошибках людей, а не представлять страсти людей как законы природы.

Мабли глубоко верил в преимущества коммунистического общества, установление этого общества было самой любимой его мечтой. «Я далек от того, — писал Мабли, — чтобы рассматривать эту общность (имуществ) как непрактическую химеру. Я взял на себя труд указать, как пришли люди к установлению собственности. Наши предки совершили глупость, поделив землю»³. Он утверждает, что земля также была бы населена и также обрабатывалась, если бы не было частной собственности. При господстве общности имуществ урожаи были бы не менее обильны, чем при частной собственности, при которой опустошаются целые провинции. Люди работали бы с не меньшим желанием для общества, чем для себя при частной собственности. Законы коммунистического общества укрепили бы уважение к труду и сообщили ему славу⁴.

По Мабли, коммунистическое общество предполагает высокое сознание граждан. Члены этого общества, объединенные общей собственностью и общим трудом, были бы тесно связаны со своей родиной — коммунистической республикой. Работая для общества, получая от него все необходимое, люди были бы всем обязаны ему, любили отечество и отдавали все свои силы для его защиты. Никакие внешние враги не могут одолеть гордых своим равенством, ревностных в своей свободе граждан коммунистической республики⁵.

Мабли не дал такого подробного описания управления в коммунистическом обществе будущего, как Морелли, написавший подробнейшую конституцию коммунистической республики. Мабли ограничился только указанием относительно необходимости избрания народных уполномоченных — магистратов, главными функциями которых должны были являться организация труда, распределение продуктов между гражданами и наблюдение за общественными нравами.

В случае вторжения внешних врагов все граждане становятся воинами, так как постоянной армии не должно быть, как не предполагается и

¹ M a b l y. Droits et devoirs (Coll. Compl., t. XI, pp. 383—384).

² M a b l y. Doutes... (Coll. Compl., t. XI, p. 18).

³ M a b l y. De la législation (Coll. Compl., t. IX, pp. 70—71).

⁴ M a b l y. Doutes... (Coll. Compl., t. XI, p. 9—10).

⁵ M a b l y. De la législation (Coll. Compl., t. IX, p. 90—91).

других каких-либо организаций вооруженных людей. Характер общественного строя при коммунистической собственности предполагает братские отношения между гражданами, взаимное уважение, любовь к родине. Функции государства, таким образом, сводятся к простому управлению производством и распределением.

Мабли ведет страстную атаку против принципа частной собственности, отстаивает необходимость перехода к общественной собственности. «Если бы я мог уничтожить предрассудки, которые вводят в заблуждение наш разум, если бы я мог вырвать из нашего сердца тиранические страсти, которые его порабащают, я не колебался бы ни одной минуты, чтобы поместить людей в условия самого совершенного равенства»¹. Он считал, что общность имуществ отнюдь не является непрактичной химерой, но когда он прямо ставит вопрос (впервые в истории коммунистической мысли), можно ли установить общность имуществ теперь, когда везде господствует частная собственность, он заявляет — нет, нельзя. «Никакая человеческая сила сегодня не могла бы попытаться восстановить равенство, не причиняя еще больших беспорядков, чем те, которых хотели бы избежать»².

Возникновение утопических коммунистических теорий XVIII в. Энгельс связывает с «революционными попытками еще не сложившегося класса» Это дает право утверждать, что коммунистическая теория Мабли отразила революционные настроения широких народных трудящихся масс Франции и первые революционные попытки нарождавшегося французского пролетариата города и деревни (масса экспроприированных крестьян, поденщиков, рабочих разного рода примитивных промышленных заведений, мануфактур и т. д.).

Острота противоречий между имущими и неимущими, пролетаризация французского крестьянства, рост предпролетариата в городах со все большей определенностью ставили вопрос об отношении к собственности. Некоторые из утопистов возвысились до теоретического предвосхищения коммунистического общества. Мабли был одним из них. Открытие факта непрерывной борьбы из-за собственности на протяжении всей истории привели его к выводу, что общество, основанное на частной собственности, неизбежно должно быть расколото на два враждующих лагеря — патрициев и плебеев, имущих и неимущих, эксплуататоров и эксплуатируемых. Историки периода реставрации не были пионерами в установлении этого факта, они только выделили борьбу буржуазии против феодалов. Именно демократическая мысль XVIII в. и опыт революции 1789—1794 гг. толкнули их на этот путь в их исторических работах.

Сами противоречия между имущими и неимущими, которые наблюдал Мабли, заставили его обратиться к более углубленному изучению истории, ибо «прошлое нас учит будущему», — говорил он. Конечно, его знакомство с античной историей сообщало специфический характер его утопии. Он не умел вскрыть закономерности исторического развития человечества, не понимал особенности развития каждой формации. Он не мог установить наличие этих формаций, т. е. открыть основу развития общества — материальное производство; утопические коммунисты не связывали с особенностями этого производства классовую структуру общества, поступательный ход истории от низшей формы к более высокой. Ему было не по силам вскрыть специфическую форму классовой борьбы на каждой ступени развития общества, и, разумеется, он не был в состоянии связать свой

¹ M a b l y De la legislation. (Coll Compl, t IX, p 93).

² M a b l y. Doutes... (Coll. Compl., t. XI, p. 12).

коммунистический идеал с определенной ступенью развития общества, найти и указать ту общественную силу, которая могла осуществить его социальный идеал.

Мабли, как и его продолжатели в годы революции, находился под сильным воздействием исторической традиции, окрасившей его идеи античными формулами, содержание которых составляли действительные требования народных масс Франции.

«Люди сами делают свою историю,— писал Маркс,— но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»¹.

Мабли искал в прошлом, в античных республиках Греции и Рима, дух революции, героические образы, идеальный общественный строй, порождавший величественные характеры. Спарта рассматривалась им в качестве идеального государства, Ликург — мудрейшего законодателя, спартанцы — идеальных граждан. Мабли знает, что спартанская демократия была основана на труде илотов, но он сознательно не замечает этого, потому что подчеркивание этого снизило бы в глазах других значение образа, избранного им в качестве аргумента в пользу общности имущества, демократии. Он обращается к сочинениям Катона и Цицерона, цитирует их, демонстрирует людям своего времени гордые характеры свободных и сильных республиканцев, противопоставляя их слабым и распущенным современникам, терпеливо несущим рабское ярмо феодализма. Он восхваляет гордых плебеев Рима за их постоянную борьбу с патрициями и установление трибуната. Он вызывает в памяти своего поколения героические страницы борьбы за свободу и равенство в античных республиках, их военную доблесть в борьбе с завоевателями. Это обращение к прошлому было необходимо Мабли для того, чтобы убедить не только других, но и себя в существовании в прошлом идеальных обществ. Естественно, что в прошлом Мабли искал указаний на идеальное общество будущего. Основные черты этого общества будущего он списал с античных обществ раннего периода, когда частная собственность и государство еще не разложили первобытную общину, но сама идея коммунистического общества у него явилась отражением требований эксплуатируемых крестьян и плебеев Франции XVIII в. Современная идея была воплощена Мабли в первобытно-коммунистическую оболочку, и это дало повод для всех буржуазных авторов утверждать, что коммунистическая утопия Мабли обязана своим происхождением только идейным источникам. Таким образом, вопрос о происхождении коммунистической теории XVIII в. сводился к простой преемственности идей.

Мабли создал относительно цельную коммунистическую теорию. Такие положения его теории, как общность имущества, организация общественного производства, обязательность труда для всех членов общества, труд, как почетная обязанность для всех граждан, прославление общественного труда, идея трудового соревнования, труд по способностям и получение продуктов по потребностям, сведение функций управления к организации труда и распределению продуктов общего труда и т. д., — все эти идеи Мабли явились крупным достижением коммунистической мысли XVIII в.

Наиболее последовательно Мабли проводит принцип уравнительности. Принцип уравнительности в пользовании благами жизни, требование умеренности, — все это могло возникнуть в условиях примитивных форм

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. 1952, т. I, стр. 212.

производства, крайняя ограниченность которых порождала и примитивные представления о «справедливом» распределении всех благ поровну.

Именно патриархально-крестьянский характер коммунистической системы Мабли определил и его принцип уравнительности в потреблении. В своих теоретических построениях он не мог выйти за пределы условий своего времени и искал почву для коммунизма преимущественно в деревне с ее неразвитыми производительными силами. Стремление вернуться к первобытно-коммунистическим отношениям, установить «крестьянский коммунизм», противопоставление развивающимся буржуазным отношениям примитивного равенства крестьянско-общинных отношений — все это имеет реакционный характер. Но это только одна сторона учения Мабли. С другой стороны, страстная критика классового неравенства, осуждение феодального общества, вообще имущих классов, требование экономического и политического равенства — все это имело революционное значение, ибо пропаганда идеи равенства, как экономического, так и политического, поднимала массы народа на борьбу против феодально-абсолютистской монархии, толкала эти массы на революционные действия.

Само утверждение Мабли, что человечество первоначально пережило коммунистические отношения, имело крупнейшее значение в его коммунистической системе, так как служило исторической основой его коммунистической теории: если коммунистические отношения уже были в прошлом, почему они не могут быть в настоящем и будущем? Коммунистическая теория отрицала как феодальную собственность, так и собственность буржуазную. Оригинальность коммунистической теории Мабли состоит в том, что, во-первых, ее автор исходил из осуждения феодальной и буржуазной форм собственности, а во-вторых, пытался опереться на так называемый исторический опыт человечества, когда господствовала общинная собственность. Эта критическая и, в известном, весьма условном, смысле, историческая сторона коммунистической теории Мабли отличает ее от всех предшествующих социальных утопий, не исключая и утопии Морелли. Мабли не мог удовлетвориться старыми представлениями об истории и ее уроках. Его теория страстей, установление факта классовой борьбы в обществе, попытки объяснить происхождение частной собственности из материальных потребностей людей порывают с традиционной точкой зрения эпохи буржуазного просвещения XVIII в. Именно эта сторона метода Мабли сообщает особый интерес его социальным идеям.

* * *

В своем трактате «О законодательстве» («De la legislation ou principes des lois», 1776) Мабли подробно развивает мысль о невозможности в его время установить общность имуществ. «Но оставим республику Платона, и не бойтесь, милорд, что я мечтаю построить республику более совершенную, недостает материала, чтобы воздвигнуть подобное здание»¹.

Пессимистический вывод Мабли отнюдь не означает, что он отказывается от своего коммунистического идеала, все дело в том, что «недостает материала, чтобы воздвигнуть подобное здание». Ни люди спеси — духовенство и дворянство — не откажутся от своих прерогатив, не пожелают смешаться с последним сословием государства, ни люди жадности — буржуа — не пожелают отказаться от своего богатства, не согласятся на новое распределение имущества. Народ же веками привык подчиняться богатым. Даже плебеи Рима после длительной борьбы с патрициями добились только того, что их трибуны смиренно сидели у дверей сената,

¹ Ma b l y. De la legislation (Coll. Compl., t. IX, p. 97).

не имея права входить туда. А между тем плебеи Рима были в менее рабском положении, чем народы современной Европы. Опыт английской революции указывает на то, что ее вожди хотели установить настоящую республику, но сами граждане вернулись к старым порядкам. Люди слишком развращены земельной собственностью, чтобы сразу можно было перейти к общности имущества и равенству положения. За исключением индейцев Америки, остальные народы слишком удалены от истины, чтобы вернуться к общности имущества¹.

Таким образом, по Мабли, два обстоятельства мешают установлению совершенного общественного строя: нежелание собственников отказаться от собственности и рабская покорность народов, приученных подчиняться господству привилегированных и богатых, привыкших подчиняться несправедливым законам.

Такие выводы не обескуражили Мабли. Он искал решения более скромной задачи — устранения хотя бы некоторых порочных сторон общества. Он создал утопический проект республики равенства. «Если мы не можем сейчас подчиниться простым законам природы,— писал Мабли,— надо по крайней мере изучить вопрос, какие имеются ресурсы человеческого искусства, которые могут еще излечить хотя бы часть зол, порожденных неравенством имущества»².

Мудрое законодательство, по его мнению, может постепенно приблизить граждан к состоянию равенства имущества и положений. Главное — поразить наиболее сильные пороки: жадность, честолюбие, проистекающие из частной собственности. Искусство законодателя должно состоять в том, чтобы уменьшать потребности людей и государства. Само государство должно подавать пример гражданам в умеренности. Налоги должны быть постоянно уменьшаемы, крупная собственность должна непрерывно дробиться. С этой целью государство должно регулировать наследование имущества, исходя из принципа его равномерного распределения. Но главное внимание законодателя должно быть направлено на проведение аграрных законов. «Никогда вы не сдержите эти активные и повелительные страсти (т. е. жадность и честолюбие.— С. С.), если вы не прибегнете к аграрным законам»³.

Мабли восхваляет аграрные законы римской республики, которые запрещали владеть более чем 100 арпанами земли, владение которыми не позволяло собственникам быть ни достаточно богатыми, ни достаточно сильными, чтобы угнетать своих сограждан. Только проведение аграрных законов, по мнению Мабли, создает основу для установления политического равенства.

Экономическое равенство должно явиться основой существования демократической республики. Демократия, утверждает Мабли, является формой привлечения граждан к управлению государством. Допустите всех граждан обсуждать государственные дела, и они постепенно научатся жертвовать своими частными интересами ради интересов общественных. Все граждане должны иметь одинаковые права и обязанности, не должно быть никакого сословного деления. Верховный суверенитет принадлежит только народу. Законы могут исходить только от народа, правительство может быть создано только народом.

Народные собрания — вот форма участия всех граждан в государственных делах. Правда, в больших государствах затруднительно всем

¹ M a b l y. Doutes... (Coll. Compl., t. XI, pp. 221—222).

² Там же, стр. 222.

³ M a b l y. De la legislation (Coll. Compl., t. IX, p. 144).

гражданам непосредственно принимать участие в законодательстве. Выход состоит в том, что граждане могут осуществлять свои права путем выборов своих представителей в Национальную Ассамблею, которая будет законодательным органом, периодически переизбираемым. Законы должны приниматься большинством голосов членов Национальной Ассамблеи¹.

Исполнительная власть должна быть представлена на местах избираемыми народом магистратами, в центре — избранным Национальной Ассамблеей правительством, подотчетным Ассамблее.

Мабли выдвигает идею объединения демократических республик в федерацию, что, по его мнению, обеспечит внутреннюю прочность и внешнюю безопасность республики. Такая федеративная республика должна проводить политику мира, ибо «мир — естественное состояние людей»². Мабли утверждает, что рост богатств у одних и нищеты у других неизбежно ведет к разрыву всех общественных связей. Господство частной собственности предполагает грабительские войны с другими государствами, обременяя народы громадным государственным долгом. История прошлого и настоящего подтверждает это, писал Мабли. Свое господство Англия основала за счет ограбления и уничтожения других народов, что привело к ограничению свободы самого английского народа. Такую же внешнюю политику ведет и Франция. И французы, являясь душителями народов Германии, сами не в состоянии отстоять свою собственную свободу. Государства, ведущие завоевательную политику, в конце концов неизбежно погибают сами — римляне были завоевателями и нашли свою гибель в завоеваниях³.

При условии достижения равенства граждан не будет никаких причин для ведения наступательных войн. «Наступательная война должна рассматриваться законами как преступление», лица, пропагандирующие наступательную войну, должны предаваться суду как враги общества⁴. Республика может вести только оборонительную войну — в случаях вторжения врага.

Поддержание добрых отношений с другими государствами должно быть священной обязанностью магистратов. Республика должна принять законы, определяющие мирные отношения с другими государствами. Принципы внешней политики республики должны быть объявлены всем народам; следует довести до всеобщего сведения, что республика будет вести только оборонительную войну. В случае вторжения врага все граждане республики равенства поднимутся против врага, над которым военная доблесть, свойственная гражданам демократической республики, одержит несомненную победу. Только равенство предполагает высокую военную доблесть⁵.

Общему благу, интересам республики должно подчиняться и воспитание молодого поколения. Мабли мечтает о воспитании совершенных граждан, поэтому он предлагает введение народного всеобщего бесплатного образования и воспитания. Дети с малых лет должны помещаться в государственные воспитательные учреждения, откуда они переходят в государственные школы. Государство должно воспитывать здоровых, сильных, добродетельных граждан республики. «Основой школьного обучения, — писал Мабли, — должна быть здоровая мораль, или понимание правил

¹ M a b l y. Doutes... (Coll. Compl., t. XI, pp. 179—180, 197—199).

² M a b l y. De la législation (Coll. Compl., t. IX, p. 191, 200—223).

³ См. M a b l y. De la législation (Coll. Compl., t. IX, pp. 14—16); Doutes... (Там же, т. XI, стр. 13—15).

⁴ M a b l y. De la législation (Coll. Compl., t. IX, p. 190—194).

⁵ Там же, стр. 197—199.

разумного поведения, понимание того, что только повинаясь разуму можно быть счастливым». Руководящим принципом морали должно быть правило — «не делай другому того, чего бы не хотел для себя».

Мабли предлагает также ввести в систему образования «естественное право». Изучению истории в системе образования и воспитания Мабли придавал особое значение. «Прошлое нас учит будущему», «настоящее беременно будущим», — любил повторять он. В истории он видел руководство к политической деятельности. Особенно необходимо изучать историю народов, «знаменитых своей нравственностью, мудростью, любовью к справедливости и отечеству»¹.

В целях воспитания здоровых, сильных и ловких граждан Мабли предусматривает систему физических упражнений, которые должны давать также необходимые навыки в военном деле.

В целом воспитание и образование должны преследовать цель подготовки граждан-республиканцев, приверженных к общественной собственности или по крайней мере к равенству между гражданами.

Примечательно, что педагогическая система Мабли не предусматривает религиозного воспитания, хотя именно Мабли (одновременно с Руссо) выдвинул идею культа «Верховного существа». В культе «Верховного существа» он видел культ законов природы, культ равенства между людьми. Поэтому он мечтал о соединении религии с философией, которые, по его мнению, должны были внедрять в сознание людей принципы естественного права, — идея реакционная, вполне объясняющая враждебное отношение ее автора к его современникам — философам-материалистам.

Учение Мабли о демократической республике равенства является логическим выводом из его признания неосуществимости коммунистического идеала. Вместе с тем это учение сохраняет такой же утопический характер, как и его коммунистическая теория.

Главные задачи XVIII в. во Франции сводились к борьбе за ликвидацию феодальных отношений и абсолютистской монархии. Последовательное решение этих задач могло быть найдено только при условии крестьянской революции. Вне крестьянской революции буржуазия была способна только на сделку с абсолютистской монархией.

Выдвижение идеи равенства, требование аграрных законов, перераспределения собственности, ликвидации феодального землевладения, уничтожения сословного деления, уничтожения монархии и установления демократической республики мелких собственников — эти требования Мабли и были программой буржуазно-демократической революции. Это не социалистическая программа. Ленин писал: «...идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач»². И далее: «...крестьянские идеи об уравнительности — реакционные и утопичные с точки зрения социализма — революционны с точки зрения буржуазного демократизма»³. «Идея равенства — самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности»⁴.

Стремление Мабли утвердить равенство мелких производителей утопично по своей основе, ибо деревня уже разъедалась капиталистическими отношениями и крестьянин стоял на пути превращения в мелкого буржуа с одной стороны, в пролетария — с другой. Этот процесс нашел свое отра-

¹ Mably. De la législation (Coll. Compl., t. IX, стр. 377—380).

² В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 316.

³ Там же, т. 12, стр. 419.

⁴ Там же, т. 13, стр. 214.

жение в ряде работ самого Мабли. Удержать равенство мелких производителей при господстве товарных, капиталистических отношений — утопическое мечтание. Идея равенства мелких производителей реально отражала стремление французского крестьянства освободиться из-под гнета сеньора и феодально-абсолютистской монархии, поделить землю и стать свободными товаропроизводителями. Уравнительная теория Мабли и отразила всего полнее эту тенденцию во французском обществе XVIII в. Крестьянство было главным врагом феодализма и абсолютизма, главной движущей силой будущей буржуазной революции. Таким образом, программа Мабли являлась в действительности революционно-демократической программой французского крестьянства и городских низов, чего не сознавал сам автор этой теории. Эгалитарная теория Мабли весьма схожа с аналогичной теорией Руссо. Это в особенности касается способов поддержания равенства. Мабли расходится с Руссо по вопросу об организации власти. Руссо был сторонником непосредственного участия народа в выработке законов, Мабли же рекомендовал, как известно, представительство народа. Французская революция предпочла рекомендации Мабли.

Мабли и Руссо — представители одного демократического направления французской политической мысли, оба они в своих эгалитарных теориях отразили настроения, думы, желания самых широких народных масс Франции, разработали те принципы, которые стали руководством самого революционного крыла французской революции.

«Мы знаем теперь, — писал Энгельс, — что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была — буржуазная собственность. Разумное государство, — «общественный договор» Руссо, — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой. Великие мыслители XVIII века, так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха»¹.

Идеи Мабли пользовались большой популярностью накануне и в годы французской буржуазной революции 1789—1794 гг. У Мабли искали ответа на злободневные вопросы политики как умеренные, так и радикальные круги Франции.

Именно в это время появляются впервые такие произведения Мабли, как заключительный том его «Замечаний по истории Франции» (1788) и «О правах и обязанностях гражданина» (1789). Рукописи этих работ Мабли были поднесены в дар Национальному собранию 30 августа 1790 г. В год начала революции в Лионе издается Собрание сочинений Мабли в 12 томах, аналогичное издание предпринимается в Лондоне, а в 1794—1795 гг. в Париже издается наиболее полное собрание сочинений в 15 томах. Целые куски произведений Мабли, часто без ссылки на автора, включались в брошюры революционного периода.

Имя Мабли пытались использовать монархисты для защиты своих привилегий. Так, под именем Мабли в 1789 г. была издана книга «Судьба Франции» («Le destin de France»), в которой неизвестный фальсификатор пытался напугать народ «ужасами» революции и призывал поддерживать

монархию как оплот порядка. Несомненно в то же время, что монархисты-конституционалисты использовали некоторые требования политической программы Мабли — созыв Генеральных штатов, установление законодательной власти, словом, то, что Мабли считал только началом революции, ее первыми шагами. Но идеи Мабли служили революции, республиканскому лагерю. В «Календаре санжюстов» за 1792 г. в ответ на вопрос, какие великие люди своими произведениями подготовили революцию, рядом с именами Гельвеция, Руссо и Вольтера указано имя Мабли.

Радикальная часть программы Мабли наравне с политическим учением Руссо была положена в основу своей деятельности демократическим крылом революции, частично ее осуществившим на заключительном и высшем этапе буржуазной революции. Дух произведений Мабли очень сильно чувствуется в речах и статьях вождей якобинцев. Статьи Марата против богачей проникнуты ненавистью к имущим классам, которая так характерна для произведений Мабли. Речи Робеспьера и Сен-Жюста провозглашены античной традицией, которую Мабли так настойчиво утверждал. Положения учения Мабли: «Цель общества — счастье людей». «Цель воспитания — добродетель граждан» и др. постоянно встречаются в речах ораторов революции. Определение Сен-Жюста «республиканец должен быть римлянином» обязано во многом, если не во всем, Мабли. Сен-Жюст не был чужд эгалитаристских тенденций. Его проект вантозовских декретов был попыткой реализовать в какой-то степени идею социального равенства.

Республиканско-демократические и социальные идеи Мабли нашли большой отклик в демократических газетах революционного периода. Газета Приюдома-Лустало «Парижские революции» требовала проведения аграрного закона: «Богачи, соглашайтесь добровольно на аграрный закон. Пусть новый кадастр, предусматривающий небольшие и одинаковые наделы, осуществит, наконец, эту новую конституцию, которая провозгласит всех людей равными»¹.

Эта газета была одним из наиболее горячих пропагандистов объявления Франции республикой. Принятие конституции 1791 г. газета рассматривала как победу монархии. Значит, революция не была закончена и газета призывает народ «оставаться в положении, близком к восстанию, чтобы стать хозяином положения», т. е. чтобы закончить революцию².

В статье «Прошлое, настоящее и будущее» газета рассказывает о большом значении в деле подготовки революции, разрушения феодального строя и установления народного суверенитета «Энциклопедии и бессмертных работ Монтескье, Вольтера, Руссо, Рейналя, Мабли».

Газета аббата Фоше «Железные уста» («Bouche de Fer») цитировала работы Мабли по вопросам равенства.

В обстановке буржуазной революции коммунистические идеи, естественно, отступили на последний план. История поставила тогда другие задачи. Однако и в это время коммунистические идеи нашли свое некоторое отражение. Так, в 1789 г. в Париже была опубликована книга Буасселя «Катехизис человеческого рода», в которой автор осуждал старый человекоубийственный строй и выдвигал идею общности имущества. Но особенно сильное выражение коммунистические идеи получили в учении Бабефа.

Еще в 1787 г. Бабеф предложил Академии г. Арраса конкурсную тему о коммунистической собственности. Учение Бабефа возникло на основе

¹ «Revolutions de Paris», 29 января и 5 февраля 1791 г.

² «Revolution de Paris», 10 октября 1791 г.

народного недовольства буржуазным строем, ярко обнаружившим свою классовую сущность после 9 термидора. В выработке своего учения Бабеф опирался на теоретическое наследство своих предшественников — Мелье, Руссо, Морелли и Мабли. Это подтверждается изучением таких документов бабувистского движения, как «Манифест равных» и «Анализ доктрины Бабефа». В своей защитительной речи на суде Бабеф заявил, что «Манифест равных» не содержит ничего, кроме положений из учения Руссо и Мабли, «которые я изучал». «Анализ доктрины Бабефа» автор назвал «Абзацом из Мабли»¹. В своей защитительной речи (содержащей более 300 страниц книги Эдвилья) Бабеф привел обильные извлечения из произведений Мабли. Соратник Бабефа и первый историк бабувизма Буонарроти свидетельствует, что источники споров, имевших место в период организации заговора Бабефа, были, «с одной стороны, в доктрине английских экономистов, с другой — в доктринах Ж. Ж. Руссо, Мабли и некоторых других современных ученых»². Социально-политическое движение, связанное с именем Гракха Бабефа, пытавшегося революционным путем осуществить переход к диктатуре трудящихся и основать коммунистическую республику, явилось последней и высшей ступенью в развитии утопического социализма XVIII в. «...Французская революция вызвала к жизни идеи, которые выводят за пределы идей всего старого мирового порядка, — писали Энгельс и Маркс. — Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Пу* и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабефа*, — движение это вызвало к жизни коммунистическую идею, которая после революции 1830 г., снова введена была во Францию другом *Бабефа*, *Буонарроти*. Эта идея, последовательно разработанная, и есть идея нового мирового порядка»³.

В России произведения Мабли были известны еще при жизни автора и находили своих сторонников. Так, уже в студенческий период некоторые работы Мабли изучал великий русский революционер-демократ А. Н. Радищев, а в 1773 г. он перевел на русский язык его работу «Замечания о греческой истории». Именно в примечании к этой работе Мабли Радищев характеризовал самодержавие как «наипротивнейшее человеческому естеству состояние»⁴. Переведенная А. Н. Радищевым работа Мабли не относится к числу тех, где автор высказал наиболее радикальные свои воззрения. Тем любопытнее, что А. Н. Радищев считал необходимым подчеркнуть свое отрицательное отношение к идее самодержавия — политические взгляды русского переводчика Мабли отличались большей революционной последовательностью.

Представляет большой интерес и дело Г. И. Попова. Как установил К. Сивков, Г. И. Попов был одним из представителей передовой общественной мысли в России конца XVIII в., близкий к кружку Н. И. Новикова. Он был сторонником уничтожения крепостного права и, ссылаясь на Мабли, представил в этом духе Екатерине II докладную записку. Последователь Мабли разделил участь А. Н. Радищева⁵. Интерес к работам Мабли в конце XVIII в. в России вызывался прежде всего тем обстоя-

¹ V. Aidville. Histoire de Grachus Babeuf et Babuvisme, t. II, P., 1884, pp. 50, 52, 277.

² Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства, т. I, М., 1948, стр. 64.

³ К. Маркс Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 147.

⁴ А. Н. Радищев. Соч., т. II, 1938, стр. 282.

⁵ К. Сивков. Г. И. Попов — представитель передовой общественной мысли в России в конце XVIII в. «Вопросы истории», 1947, № 12.

тельством, что перед ней вставали те же задачи, что и во Франции, — задачи буржуазной революции. Суть этого процесса составлял аграрный вопрос.

* * *

Революция в умах предшествовала буржуазной революции XVIII в. Ее подготовила блестящая плеяда мыслителей, к числу которых принадлежали и первые представители социализма Мелье, Морелли и Мабли. Несомненно, в великой плеяде просветителей были люди более яркие и талантливые, чем Мабли, написавшие произведения более долговечные, но немногие из них предприняли попытку разорвать завесу времени и бросить взор на будущее человечества. Немногие из них почувствовали необходимость руководствоваться наиболее совершенным критерием в своих исследованиях общественных явлений.

В XVIII в. Мабли был очень популярным политическим писателем. Его идеи оказали большое влияние на политическую мысль и законодательство периода революции. Мабли по праву может быть отнесен к первому ряду мыслителей, подготовивших в идейном отношении буржуазную революцию. Но оригинальность Мабли заключается в том, что он в меньшей степени, чем, например, Руссо, был сторонником буржуазных общественных отношений. Мабли не удовлетворился теорией разумности, лежавшей в основе общественных представлений его времени. Опираясь на свои наблюдения и философию Локка — Кондильяка, он пришел к выводу, что в обществе имеется более повелительная, объективная сила материального порядка, которая определяет мысль и поведение людей. Эта объективная сила — частная собственность. Частная собственность разделила общество на два класса — имущих и неимущих, богатых и бедных. С этих пор страсти волнуют общество и никакого согласия между людьми на основе частнособственнических отношений установить нельзя. Разумное государство может быть основано только на общественной собственности.

Идея уничтожения частной собственности имеет большую давность, она проходит через все социально-экономические формации, основанные на частной собственности. И как раз в переходные эпохи эта идея приобретала относительно широкое распространение в среде угнетенных масс. Это и понятно. Переходные эпохи являлись эпохами кризисов старых способов производства. Ни в эпоху рабовладения, ни в эпоху феодализма требование уничтожения частной собственности и установления общности имущества не имело своего истинного значения. В первом случае оно означало переход к феодальной собственности, во втором случае — к буржуазной собственности. Только в эпоху капитализма это требование приобретает, наконец, глубокий реальный смысл. Частную собственность сменяет собственность коммунистическая.

Мабли не мог полностью преодолеть ограниченность общественных представлений своего времени. Экономическая основа еще не была подготовлена для перехода к общественной собственности. Не было, следовательно, и общественных сил, которые могли бы выполнить задачу перехода к новым, коммунистическим общественным отношениям. В этих исторических условиях коммунистическая теория Мабли могла быть только утопией, смутно предвосхищавшей будущий коммунистический строй. И все же эта утопия, как и другие утопии аналогичного характера, толкала вперед развитие коммунистической мысли.

Реальным историческим содержанием коммунистической теории Мабли было демократическое разрешение аграрного вопроса, уравнивающее

землепользование, национализация земли, т. е. последовательное разрешение буржуазно-демократических задач. Именно эта программа разработана всего тщательнее в проекте установления демократической республики равенства.

Однако мы не должны забывать о том, что коммунистические идеи Мабли были враждебны не только феодальной, но и буржуазной собственности. Мабли остался верен своему общественному идеалу. Именно с этих позиций он отрицал и разумность буржуазных общественных отношений. Не случайно о нем «забывали» буржуазные историки XIX в., а если вспоминали, то лишь затем, чтобы выругать за «коммунистические химеры».

Мабли не верил в долговечность и разумность и феодальных и буржуазных государств. Мабли был уверен, что французский абсолютизм рухнет, а Англия потеряет свои колонии. Он указывал на ложность буржуазной демократии в Англии, продажность членов парламента, всесилие купцов Сити. Приветствуя «счастливую революцию американцев», Мабли считал, что при наличии имущественного неравенства не может быть и последовательной демократии. Власть будет узурпирована денежной знатью, и это приведет к завоевательной политике республики. Выразительно звучат заключительные строки книги Мабли об Америке: «Вы будете Карфагеном, торгующим и воюющим одновременно, с его жаждой власти и жаждой богатства,— он захочет господствовать над своими соседями и обращаться с ними, как с подданными, или, может быть, как с рабами»¹.

Страстная ненависть Мабли к миру частной собственности объясняет это осуждение им буржуазной Америки. Неудивительна и ненависть американских буржуа к Мабли, нашедшая специфическую форму выражения.

Идеи Мабли принадлежат прогрессивным силам человечества. Его политические и социальные идеи служили делу борьбы за новый мир, за счастье всех людей. Новый мир, о котором веками мечтали обездоленные, теперь существует и все более расширяется и крепнет. Никакой силе не удастся повернуть историю вспять.

Габриэль Бонно де МАБЛИ (14.03.1709 — 23.04.1785)

подборка материалов <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mably>

Из произведений Мабли:

*** О правах и обязанностях граждан**

<http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm>

*** О законодательстве, или Принципы законов**

<http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm#lex>

С.Искуль. Мабли и его исторические труды

<http://enlightment2005.narod.ru/private/Mably/mably.htm#hisoire>

¹ Mably Observation sur l'Amérique (Coll Compl, t VIII, p 483—484).